Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VI (XX) Международной конференции молодых ученых

г. Томск, 18–19 апреля 2019 г.

Выпуск 20

Под редакцией канд. филол. наук Е.О. Третьякова

Scientific & Technical Translations
STT
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Томск 2020

МОТИВ ПИСАТЕЛЬСТВА В КОМЕДИИ Н.В.ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР»

Барсукова В.О.
Томский государственный университет, студент

THE COMPOSING MOTIVE IN THE N.V. GOGOL'S COMEDY "THE INSPECTOR"

Barsukova V.O.
Tomsk State University, student

В статье рассматривается мотив писательства в диалоге с мотивом писания. Осмысляется роль писательства в комедии и, шире, мировоззрении Гоголя в связи с сакральным пониманием писания, в том числе, в рамках апофатической традиции.
Ключевые слова: писательство, Гоголь, мотив, «Ревизор».

The motive of composing is analyzed in the article considering the dialog with the motive of writing. The function of composing in comedy is comprehended in connection with sacral perception of composing including context of apophatic tradition.
Key words: composing, Gogol, motive, "The Inspector".

Научный руководитель:
Лебедева Ольга Борисовна,
докт. филол. наук, профессор.

Мотив писательства, будучи весьма продуктивным, в «Ревизоре» обширно представлен упоминаниями Хлестаковым писателей, вводимыми в текст комедии цитатами, а также имплицитными указаниями на самого автора комедии. Помимо текста «Ревизора», мотив писательства находит свое развитие и в приложениях к комедии.

Зеркальное устройство «Ревизора», заданное уже эпиграфом к комедии, обусловливает развитие антиномий на разных уровнях текста. Так, образ Хлестакова связывается и с мотивом писания, и мотивом писательства, две эти категории выстраивают зеркальную оппозицию: писательство становится знаком самобытности, а писание снижается до уровня переписывания, повторения чужого, потери индивидуальности. Хлестаков, доказывая свои «успехи» на литературном поприще, хвалится знакомством с Пушкиным, называя его большим *оригиналом*, а о своей жизни в Петербурге говорит следующее: «Вы, может быть, думаете, что я только *переписываю*; нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге» [1, с. 42].

В комедии представлено писание двух сценических персонажей: письмо Хлестакова Тряпичкину и записка Городничего жене. В записке Городничего обращает на себя внимание абсурд, порожденный спешкой: «...но, уповая на милосердие божие, за два соленых огурца особенно и за полпорции икры рубль двадцать пять копеек...» [1, с. 37]. Библейская риторика указывает на Священное *Писание*, но, употребляясь в бытовом контексте, снижается до уровня «бумагомарания». Писание Городничего, открывая свою ущербность, составляет противоположность письму Хлестакова, к концу которого он раскрывается иным образом.

Обратим внимание на письмо Хлестакова, а именно на использование одической риторики в финале. Хлестаков в обращении к Тряпичкину близок к исповеди, что актуализируется использованием возвышенной лексики: «добродушный», «душа», «чем-нибудь высоким заняться» и т.д. «Сцены вранья» героя обнаруживают искреннее стремление Хлестакова соответствовать своей лжи, о чем пишет сам Гоголь в «Отрывке из письма...»: «...он сам позабывает, что лжет, и уже сам почти верит тому, что говорит. Он развернулся, он в духе <...> говоря ложь, высказывает именно в ней себя таким, как есть» [3, с. 89]. Гоголь говорит о том, что герой пребывает «в духе», то есть состоянии, при котором человек становится открыт голосу Духа Святого и способен передавать Его слово. Писательство Хлестакова, в оппозиции писанию Городничего, открывает стремление героя к самореализации.

Образ Хлестакова, рассматриваемый через призму мотива писательства, усложняется возможностью сопоставления героя с Пушкиным, который является потенциальным автором сюжета «Ревизора». Хлестаков находится с поэтом «на дружеской ноге», подобно Пушкину, Хлестаков увлекается игрой в карты, как и Пушкин, Хлестаков, сочиняя, творит словно по вдохновению, легко, уподобляя свою ложь «легкой поэзии». Однако стремящийся выдать себя за литератора Хлестаков представляет собой лишь пародию на поэта.

Вместе с тем осмысление образа писателя амбивалентно в «Ревизоре» и приложениях к комедии. Так, возможно сопоставление Тряпичкина с самим автором комедии. В комментариях к комедии Ю.В. Манн отмечает, что «пописывающий статейки» Тряпичкин живет по настоящему адресу Гоголя в Петербурге [4, с. 809], а также является профессиональным литератором. В процессе изучения приложений к «Ревизору» становится очевидна причина снижено-ироническ ой оценки собственной роли в комедии. Осмысление авторской задачи написания комедии находим в «Театральном разъезде»: «Автор пьесы. <...> И да не смутится душа от *осуждений*, но да примет благодарно указанья недостатков, не омрачась даже и тогда, если бы отказали ей в высоких движеньях и в святой любви к человечеству» [2, с. 171]. В этих словах очевидна оценка автором «Ревизора» себя как судьи, решившего ревизовать людей. Однако эта же позиция дискредитируется в диалоге с другим текстом, «Развязкой Ревизора»: «...взглянем на себя не глазами светского человека, – ведь не светский человек произнесет над нами суд, – взглянем хоть сколько-нибудь на себя глазами того, кто позовет на очную ставку всех людей...» [1, с. 121]. Подобно тому, как мнимая реви-

зия Хлестакова дискредитируется на фоне картины начала «Страшного суда», ревизия общества писателем оказывается несостоятельной. Гоголь продолжает линию, заявленную еще в самой комедии намеками на единство личности автора «Ревизора» и Тряпичкина, представляя двойственную оценку себя же, писателя, взявшегося судить, что является правом божественных сил.

Итак, цепь рассматриваемых антиномий можно представить следующим образом: Городничий – Хлестаков – Гоголь как автор «Ревизора» – Бог. Каждое последующее звено в цепи представляет собой более совершенную стадию *творения,* при этом каждый из образов, предшествующих Богу, обнаруживает возможность сопоставления с ним. Так, Городничий, представляя собой организующее начало города, становится его неумелым творцом. Хлестаков, «играя» ревизора, выступает в качестве высшей силы, внушающей страх жителям уездного города. Гоголь, будучи автором комедии, становится демиургом. Организация образов, связанных с мотивом писательства, сопоставима с апофатической концепцией процесса познания Бога через восхождение от тварного мира к Творцу, которое предполагает рассмотрение все более совершенных творений и констатацию несоизмеримости каждого из них с Богом. Апофатическая теология строится на отрицании, и в этом она оказывается близкой восприятию Гоголем писательства как сакрального акта, имеющего целью искоренить порочное из действительности, утвердив идеал, то есть соотносится с сатирической установкой его творчества. Гоголь последовательно развенчивает образы Городничего, Хлестакова и свой собственный карикатурный образ в лице сатирика-Тряпичкина, тем самым утверждая идеал, который в комедии должен был воплотиться в образе настоящего ревизора, но так и не был явлен: такой минус-прием соответствует трансцендентному представлению о Боге, исключающему положительное знание о нем.

Особая роль в осмыслении писания как сакрального процесса и роли писателя отводится Пушкину, который формирует Хлестакова словно «по своему образу и подобию». Пушкин для Гоголя в ряду называемых в комедии писателей представляет собой наиболее приближенного к идеалу. Утверждая гений писателя, Гоголь пишет: «Все наши русские поэты: <...> удержали свою личность. У одного Пушкина ее нет. Что схватишь из его сочинений о нем самом? Наместо его предстанет тот же чудный образ...» [3, с. 382]. Образ Пушкина почти обожествляется, его личность стирается, на месте ее оказывается *чудный образ*, который далее Гоголь развивает путем использования отрицательных конструкций.

Так, образ Пушкина, оставаясь на периферии комедии, утверждается в качестве гения через его пародийное воплощение в образе Хлестакова, то есть через отрицание, что сближает поэтику комедии с апофатической теологической концепцией. Поэтика зеркальности организует уровневую систему образов, в которой каждый член двойственно раскрывается в диалоге с другими. Писательство, реализуясь в последовательно восходящих к Богу-Творцу образах, представляется поистине сакральным актом.

Литература

1. Гоголь Н.В. Собр. соч. : в 23 т. – М. : Наука, 2003. – Т. 4.
2. Гоголь Н.В. Собр. соч. : в 14 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. – Т. 5.
3. Гоголь Н.В. Собр. соч. : в 14 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. – Т. 8.